

роге в Гренаду он ехал мимо гранитных скал и мраморных камней; А. Звигильский поправляет: не гранит, а сланец с хрусталем; не мрамор, а гипс (стр. 312—313, прим. 18 и 19); далее Боткин говорит о «полях, засеянных сахарным тростником» — оказывается, читаем в примечаниях, в этой местности «нет сахарного тростника» (стр. 313, прим. 22). Ни один исследователь «Писем об Испании», кто бы он ни был: литературовед, историк, географ, политикоэкономист, социолог — не обойдется без комментариев А. Звигильского.

Разумеется, не со всеми объяснениями можно согласиться. Например, оспаривая мои представления о Боткине как об эклектике, идеалисте и скептике одновременно⁸, А. Звигильский во вступительной статье определяет Боткина как гуманиста (см. стр. 50). Но гуманизм слишком широкое понятие, включающее в себя и деятеля Ренессанса, и немца эпохи Просвещения, и французского романтика 1830-х годов, и русского революционного демократа. Конечно же, и русские либералы середины XIX в., к которым в основном принадлежал Боткин, вместе с их эклектизмом, идеализмом, скепсисом тоже были гуманистами.

А. Звигильский сопоставляет очерки Боткина с интересным суждением К. Маркса в недавно опубликованном отрывке из серии «Революционная Испания»: «...характерной особенностью Испании было то, что каждый крестьянин, который имел над входом своей жалкой хижины высеченный на камне дворянский герб, считал себя дворянином и что, вследствие этого, деревенское население вообще, хотя и ограбленное, и нищее, никогда не испытывало того чувства глубочайшего унижения, которое ожесточало крестьян во всех других странах феодальной Европы»⁹. Со ссылкой на Письмо II Боткина А. Звигильский резюмирует: «...заключение Боткина то же самое, что и у Маркса: чувство равенства делает

невозможным какую бы то ни было революцию» (стр. 26). Это не совсем точно: о достоинстве и гордости простолюдина Боткин, действительно, говорил раньше, но отсутствие в народе «революционного духа» он связывал в данном случае не с чувством равенства, а с относительной зажиточностью испанского крестьянина: «...у самого беднейшего мужика есть всегда вдоволь хлеба, вина и солнца... даже у нищего есть на зиму и шерстяные штаны, и шерстяной плащ!»¹⁰.

Вряд ли справедливо мнение А. Звигильского, что «русские имеют много сходства с испанцами» и поэтому «Боткин хорошо понял основные черты испанского национального характера» (стр. 27). Слишком различны были исторические, политические, экономические, духовные судьбы русского и испанского народов, чтобы можно было находить между ними фундаментальное сходство (особенно, если говорить о крестьянском характере).

Не могу также согласиться с уважаемым исследователем, что Боткин потому мало известен в современной России, что «Письма об Испании» не переиздавались с 1890 г. и их не найти в магазинах» (стр. 50): по-моему, наоборот: пока Боткиным мало интересовались, не стоял и вопрос о перепечатке его сочинений, но как только в последние десятилетия усилилось к нему внимание литературоведов, историков, философов, редколлегия «Литературных памятников» включила в свой перспективный план научное издание «Писем об Испании»¹¹.

Последний факт дает возможность рецензенту, еще раз подчеркнув большое научное и общественное значение предпринятого А. Звигильским перевода и комментирования «Писем об Испании», пожелать скорейшего выхода в свет русского издания книги Боткина, в котором, разумеется, будут учтены обстоятельные разыскания французского коллеги.

Б. Ф. Егоров

⁸ См. Егоров Б. Ф. В. П. Боткин — литератор и критик. Статья 1. — Уч. зап. Тарусского ун-та, 1963, вып. 139, стр. 67—68.

⁹ «Новая и новейшая история», 1957, № 3, стр. 5.

¹⁰ Боткин В. П. Сочинения, т. I, СПб., 1890, стр. 75.

¹¹ См. «Литературные памятники. Итоги и перспективы серии». М., «Наука», 1967, стр. 83.

Г. М. Фридендер. ПОЭТИКА РУССКОГО РЕАЛИЗМА. «Наука», М.—Л., 1971.

Вряд ли появление такой работы было возможно, скажем, лет пятнадцать назад. Сейчас она не только возможна, но и необходима. Развернутые теоретические осмысления последних лет в области как общей, так и частных поэтик, обильный историко-литературный материал, посвященный реалистическому искусству России и Запада, наконец,

возможность все более плодотворного освоения опыта теоретиков прошлого потребовали и обобщающего индивидуального усилия. То, что оно было сделано Г. М. Фридендером, естественно. Это обеспечивалось тщательным многолетним углублением в марксистско-ленинское теоретическое наследие в области искусства и широким изучением